

«Царь ежедневно моется в бане»: повседневная жизнь русского посольства

Личность — то, чего не скроешь
даже в приходе-расходных книгах.

Марина Цветаева

Особое внимание, которое французы-современники уделили необыкновенному русскому гостю, проявилось в их стремлении фиксировать каждый шаг Петра I, доступный их обозрению, изучать его распорядок дня, бытовые привычки и вкусы. Авторы официальных и неофициальных писем, дневников и мемуаров оставили немало ценных наблюдений, касающихся повседневной жизни Петра I и русского посольства во Франции. Правда, иногда такого рода сведения брались не из первых рук и обрастали невероятными подробностями. К тому же царь не любил праздного любопытства толпы и старался не выставлять напоказ свою частную жизнь. Многие из того, что было недоступно французским наблюдателям, нашло отражение в приходе-расходных книгах посольства, тщательно фиксировавших ежедневные траты, совершавшиеся по указанию царя. На ценность такого рода источников исследователи обратили внимание задолго до того, как история повседневности выделилась в качестве популярного направления исторической науки. «Эти отрывочные записи приходе-расходных книг, при внимательном чтении их, вскрывают перед исследователем подлинную жизнь во всем многообразии её ежедневных проявлений. Перед нами постепенно разворачивается обстановка, в которой жили и действовали люди прошлого, как будничная, так и создававшаяся какими-либо событиями, выходившими за рамки обычных условий. Мы узнаем их занятия, видим, во что они одевались, чем питались, что занимало их досуг»¹.

¹ Бакланова Н.А. Великое Посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходе-расходным книгам посольства) // Петр Великий: Сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М., 1947. С. 3.

Французская сторона, следуя дипломатическим обычаям того времени, брала на себя материальное обеспечение посольства и заботы о проживании и проезде царя и его свиты: «все расходы его в пути и во время пребывания в Париже были приняты на казенный счет»². Сначала русским послам хотели предложить вместо содержания «получение ежедневно определенной суммы, которая уплачивалась бы от имени его величества» — от тысячи двухсот до полутора тысяч ливров в день, не считая платы за экипажи³. Поскольку численность царской свиты оказалась больше ожидаемой, вопрос о денежном содержании очень беспокоил королевского представителя Э.Ф. де Либуа. Он пытался объяснить по этому вопросу с князем Б.И. Куракиным, но ему это не удалось. Русский дипломат лишь заметил, «что царь ничего не испрашивает и принимает лишь часть предложений его величества и его королевского высочества»⁴. Судя по всему, Куракин дал понять своему собеседнику, что русского царя нельзя принимать на уровне какого-нибудь владетельного германского князя⁵. Со своей стороны маршал д'Юкселль рекомендовал де Либуа прекратить все разговоры о расходах с русскими представителями: «ваша цель должна состоять в том, чтобы угодить царю и содействовать удобству знатных лиц его свиты»⁶.

Удовлетворение материальных запросов русского посольства, уровень роскоши и комфорта, предоставляемый высокому гостю, были для королевского двора вопросами престижа, которым во Франции очень дорожили. По пути в Париж и на обратной дороге царю предоставлялись для пребывания и ночлега жилища дворцового типа, «меблированные приличным образом». В царских резиденциях предполагалось представление «порядочно меблированных» апартаментов главным лицам его свиты, для прочих знатных лиц отводились квартиры в частных домах, а слугам предоставлялись комнаты в гостиницах. Забота о «приличных и чистых» экипажах и лошадях также ложилась на принимающую сторону. Два французских чиновника сопровождали царя по дороге в Париж, чтобы платить все расходы и заботиться о продовольствии царской свиты. «Царю выслано было по дюнкеркской дороге множество ковров, обоев и других вещей для уборки всех комнат, в которых он

² Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 78.

³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник ИРИО. 1881. Т. 34. С. 133–134.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Там же. С. 155.

мог остановиться»⁷.

Весьма осведомленный маркиз Ф. де Данжо записал в дневнике 27 мая: «Подсчитывая расходы на царя, находят, что они достигают в день пяти или шести сотен экю (2500—3000 ливров. — *С.М.*); царь сильно сократил столы, которые ему сервировали в первые дни пребывания»⁸. Испанский наблюдатель маркиз де Гримальдо утверждал, что эти расходы доходили до 1000 экю в день⁹. «Говорят, что расходы нашего двора на содержание его во Франции простирались ежедневно до 14000 ливров»¹⁰, — сообщала журналистка, явно преувеличивая затраты принимающей стороны.

Герцог Луи Антуан д'Антен заранее озаботился подысканием удобной резиденции для царя в Париже. В письме (к Б.И. Куракину?) от 22 апреля он предлагал подготовить для высокого гостя отдельные апартаменты в Лувре, откуда открывался приятный вид на Сену. Здесь же, в Лувре, могли разместиться пять ближайших сановников царя. Остальных членов свиты предполагалось расселить в домах близлежащего квартала. Герцог выражал желание «все приготовить надлежащим образом, так как я весьма желаю угодить монарху, к которому питаю высокое уважение»¹¹. Тогда же, очевидно, была высказана идея предоставить царю, если он не пожелает поселиться в покоях Лувра, принадлежащий герцогу де Вильюа особняк Ледигьер. 23 апреля Петру уже сообщили о возможных вариантах его размещения во французской столице. Царь рассматривал план Парижа и интересовался расположением Лувра и отеля Ледигьер. Как писал де Либуа, «царь желает избежать королевских дворцов» и хотел бы поселиться в одном из частных домов¹². Тем не менее, принимающая сторона решила приготовить для царя как роскошные помещения в Лувре (покои королевы-матери), так и отель Ледигьер, с тем чтобы царь сам сделал свой выбор. От царя в

⁷ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 81.

⁸ [*Dangeau Ph.*] Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaignon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. Т. 17: 1717—1719. Р. 98; Скандальный Ж. Бюва писал о сумме в 1500—3000 ливров в день, отпускавшейся на столовые расходы царя и его свиты. — [*Buvat J.*] Journal de la Régence (1715—1723) / par Jean Buvat... ; publ. pour la première fois et d'après les mss originaux, précédé d'une introd. et accompagné de notes et d'un index alphabétique, par É. Campardon,.... Paris, 1865. Т. 1. Р. 265.

⁹ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С. 111.

¹⁰ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 81.

¹¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 143.

¹² Там же. С. 149.

Париж был отправлен 24 апреля специальный агент Иван Толстой. В столице он ездил к банкиру «для приему денег»¹³. Там же пивовар Иван Семенов заранее варил для царя «полпиво». Вместе с Кононом Зотовым они по-своему готовились к приезду царя во французскую столицу.

Готовилась к приему царя и французская сторона. «Gazette de France» сообщила, что 5 мая король в сопровождении герцога Менского и маршала де Вильруа, гувернера его величества, посетил отель Ледигьер. Там был приготовлен прекрасный фейерверк, затем юный король смотрел выступление танцоров-канатоходцев¹⁴. Газета «Le Nouveau Mercure» уточнила, что эта поездка связана с предстоящим визитом русского царя в Париж: прекрасно меблированный отель Ледигьер «предначен для размещения царя»¹⁵. Как уже отмечалось, в день приезда царь сделал окончательный выбор в пользу этого особняка, несмотря на уговоры хоть на несколько дней остаться в Лувре. Он «не захотел ни минуты долее оставаться в этом апартаменте и тотчас вышел и просил, чтобы его проводили в другой дом, говоря, что иначе он пойдет пешком», — писал любопытный наблюдатель¹⁶. Вслед за царем в отель Ледигьер из Лувра перенесли ужин и постель.

Предоставленный в распоряжение царя особняк королевского воспитателя герцога де Вильруа был «расположен вблизи сада и арсенала и в незначительном расстоянии от реки»¹⁷ на небольшой тупиковой улице Серизе (rue de la Cerisaie), рядом с Малым Арсеналом, по соседству с аристократическим кварталом Маре и Бастилией. Особняк был построен между 1587 и 1600 годами. Его первым хозяином был флорентийский финансист С. Заме (Zamet, Sebastiano Zametti, 1549–1614), приглашенный в Париж Екатериной Медичи. Затем до начала XVIII века дом принадлежал семье Ледигьер. В 1716 году его приобрел маршал Вильруа, воспитатель юного короля Людовика XV¹⁸. Сад отеля

¹³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 61.

¹⁴ Gazette. 8 mai 1717. № 19. P. 217.

¹⁵ Le Nouveau Mercure. May 1717. P. 96.

¹⁶ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 35.

¹⁷ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 157.

¹⁸ Отель Ледигьер просуществовал до 1877 года. В октябре 1893 года, во время визита делегации русских моряков во главе с великим князем Алексеем Александровичем в Париж, на доме номер 10 по улице Серизе (на пересечении

примыкал к Бастилии. Постройка дворцового типа состояла из большого прямоугольного двора, который фланкировали две группы зданий справа и слева, соединенные двумя протяженными корпусами. Левая группа строений имела длинный внутренний двор с конюшнями, на втором этаже здесь размещались жилые помещения. В правой части отеля с двумя внутренними дворами располагались парадные апартаменты, в которые вела главная лестница. К правой части здания примыкала часовня. В крыле, выходящем на улицу, имелся портик, ведущий во двор. Между двором и садом был более низкий (двухэтажный) корпус с террасой, выходящей в сад. Основные постройки имели три этажа¹⁹. Перед террасой в саду был устроен партер с клумбами, а по периметру были посажены деревья. В саду бывшая хозяйка дома герцогиня Ледигьер установила забавный памятник («маленький мавзолей») любимой кошке с её барельефным изображением и стихотворной эпитафией:

Здесь покоится милая кошечка;
Её хозяйка, которая уже ничего не любит,
Любила её до безумия.
Вы спросите: почему? — Вы сами это прекрасно видите²⁰.

Как писал герцог Сен-Симон, отель Ледигьер — «просторный и красивый дворец, соседствующий с Арсеналом, и принадлежал он маршалу де Вильруа, который жил в Тюильри. Он пустовал, поскольку герцог де Вильруа был не из тех, кто живет на широкую ногу, и считал, что он расположен слишком далеко, чтобы там помещаться. Его целиком и с большим великолепием обставили королевской мебелью»²¹. Журналисты распространили слух, что, прибыв в отель Ледигьер, царь нашел свою спальню излишне роскошной и ночевал в гардеробе, где находилась кровать для прислуги²². В царской рези-

с улицей Ледигьер) установлена мемориальная доска со следующим текстом: «Ici s'élevait l'hôtel de Lesdigières ou le czar Pierre-le-Grand séjourna en 1717» (Здесь возвышался отель Ледигьер, где царь Петр Великий жил в 1717).

¹⁹ http://dev-centrechastel.paris-sorbonne.fr/publication_sources_corpus/inventaires-hotels-paris/16_Lesdiguieres_intro.pdf.

²⁰ [Buvat J.] Gazette de la Régence: janvier 1715—juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887. P. 181.

²¹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 355—356.

²² [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris, 1717. P. 182.

денции были выделены комнаты маршалу де Тессе для удобства ведения дипломатических переговоров и постоянного сопровождения царя в его поездках по Парижу²³.

Все дома маленькой улицы Серизе были заселены теми, кто обслуживал царя. Высшие чины царской свиты занимали в Париже отдельные квартиры. Например, вице-канцлер П.П. Шафиров стоял на отдельной квартире на «Гранд Комдежезу»²⁴. По-видимому, речь идет о находившемся недалеко от отеля Ледигьер квартале, где находилась парижская резиденция Ордена иезуитов и их церковь Сен-Луи на улице Сент-Антуан. Вице-канцлер сам оплачивал свое жилье и проезд, платил «за дрова и кухню»; ему была выдана на расходы от царя большая сумма: 2670 червонных, 2012 ефимков, 13 277 ливров. Часть денег вице-канцлер тратил на себя, а часть — на царские нужды (покупки, раздача чаевых). У подканцлера в услужении находились «для толмачества и россылок» четыре француза, которым было заплачено за работу 325 ливров²⁵.

«Приличный стол» должен был готовиться царю на пути следования гостеприимными хозяевами, но при этом царский повар сам готовил кушанья для Петра I. Прибывший в Дюнкерк де Либуа, которому была сначала выдана фиксированная сумма денег на обеспечение царской свиты всем необходимым, жаловался на большие расходы, в особенности на непомерное истребление столовых припасов. По его словам, царский повар «под предлогом двух или трех тарелок кушанья, которые он готовит ежедневно для его величества, берет говядины и даже вина столько, сколько их потребовалось бы для восьми человек»²⁶. Как заметил де Либуа, царь иногда не присутствует на ужинах, но его сановники с удовольствием поглощают королевское угощение. Дотошного камер-юнкера раздражала даже не прожорливость русских гостей, а отсутствие порядка в потреблении пищи. Он жаловался на то, что приготовленные для царя и его сановников столы иногда пустовали, поскольку царь «обедал у себя», а его вельможи «ели украдкой припасы, взятые без всякой меры и приличия в наших буфетах»²⁷. Де Либуа предлагал в этом случае поступать так, как делалось в Голландии: гофмаршал Олсуфьев должен сам заказывать стол, а ему для этого будет отпусаться «предписанная сумма» из средств короля. От этого предложения французская сторона отказалась, и царский стол в Париже и

²³ [*Dangeau Ph.*] Journal du marquis de Dangeau. P. 80.

²⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 70.

²⁵ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 1, 13 об.

²⁶ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 144.

²⁷ Там же. С. 173.

королевских резиденциях оставался в ведении первого метрдотеля маркиза Луи Сангена де Ливри (Louis Sanguin de Livri, 1648–1723). Повседневное услужение царю и кормление русских гостей было поручено Луи Франсуа де Вертону (Louis François de Verton, 1670–1751), который «был весьма неглуп, принадлежал к неплохому обществу, знал толк в хорошей еде и был любителем игры; он организовал в таком порядке услужение царю и сумел так вести себя, что царь проникся к нему исключительной приязнью, равно как и вся его свита»²⁸. Де Либуа также предлагал переложить расходы на угощение русского посольства во время пути на города и городские общества, что по-видимому (отчасти) и было осуществлено.

Ежедневно повар Ян Фельтен готовил для Петра два или три блюда. «Несмотря на то, — замечал де Либуа, — этот государь ест все наши кушанья и пьет наши вина, кроме шампанского», и «очень любит» черный хлеб. Продолжая свои наблюдения за гастрономическими привычками царя, де Либуа составил специальную записку о столе царя: «Царь имеет повара, который приготовляет ему ежедневно два или три кушанья, употребляя на это столько мяса и говядины, сколько бы потребовалось для стола на восемь человек. Ему подают скоромное кушанье, а по пятницам и по субботам постное. Он любит соусы, приправленные пряностями, пеклеванный, черствый хлеб и горошек. Он ест много сладких апельсинов, груш и яблок. Он обыкновенно пьет легкое пиво и красное вино Ньюи, но не сладкое. По утрам он пьет анисовку, перед обедом водку, а пиво и вино после обеда, все это довольно холодное. Он не ест за обедом никаких сластей и не пьет сладких вин»²⁹.

В одном из писем де Либуа описал распорядок дня и бытовые привычки Петра I: «Царь <...> встает очень рано, обедает около десяти часов, пьет водку прежде чем сесть за стол по утру, вино после полудня, а пиво часто, и кроме того (пива), которое ему подается, приказывает приносить себе его одному из своих людей. Ужинает он довольно легко. Когда хорошо пообедал, садится за ужин в семь часов или несколько позже, а иногда и вовсе не ужинает и ложится раньше девяти. Он особенно любит смотреть на воду; занимая обширные квартиры, спит в какой-нибудь маленькой или удаленной комнатке <...>»³⁰. Постоянную компанию царю составляли П.И. Ягужинский, поп Битка, гофмейстер М.Д. Олсуфьев, кабинет-секретарь А.В. Макаров и врач Р. Арескин. Амстердамская

²⁸ Сен-Симон. Мемуары. С. 356–357.

²⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 184–185.

³⁰ Там же. С. 174.

газета также сообщала некоторые подробности повседневной жизни царя в Париже: «Его всегда обслуживают в отеле Ледигьер люди короля, которые готовят ему обед к 10 часам; он почти не ужинает и рано ложится спать. Ему накрывают стол на 14 персон <...>»³¹. Сходные сведения приводила и весьма благосклонная к царю французская журналистка А.М. Дюнуайе: «Смело можно сказать, что он с пользою употребил каждый день, каждый час своего кратковременного пребывания в нашей столице: со двора выходил не позже шести часов утра и спешил осматривать все достойное любопытства. Обедал всегда в десять часов, и после легкого ужина рано ложился спать»³².

Царь в поездке во Францию располагал крупной суммой наличных денег в «червонных» (червонцы — золотые монеты, которые начали выпускаться в России при Петре I) и ефимках — серебряных талерах (скорее всего — голландских). Однако наличных средств явно недоставало, что побуждало царя обращаться к вексельным операциям и заимствованиям у частных лиц (например, у Саввы Рагузинского). Так, 18 апреля 1717 года Пётр I послал из Кале комиссару (торговому агенту) Т.Т. Левкину³³ в Амстердам указ о необходимости перевода парижским банкирам крупной суммы денег: «По получении сего переведи немедленно (ис тех ефимков которые у тебя в Амстердаме есть) в Париж десять тысяч ефимков, чтоб отдали в Париже французскою манетою по курсу нынешняго векселя что надлежит, и переведи те денги с совету господина Бранта на имя добрых банкиров, чтоб могли те денги в Париже скоряя получить и пришли те вексели к нам в Париж»³⁴. Царь рекомендовал своему комиссару действовать по совету с Кристоффелем Брантсом — опытным амстердамским финансистом, пользовавшимся полным доверием русского монарха и ставшим позже русским резидентом в Голландии³⁵. Первые переводы по векселям должен был получить в Париже Иван Толстой еще до приезда царя. Примечательно, что векселя были выданы на имя известного королевского

³¹ Amsterdam. 25 mai 1717. № XLII.

³² Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 80.

³³ «Московского денежного двора комиссар Тимофей Тимофеев сын Левкин, а по простому прозванию Топор, а был он для продаж государевых припасов». — Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893. С. 14; см.: Ковригина В.А. Три поколения иноземцев Левкиных в России // Петровское время в лицах: Краткое содержание докладов научных чтений. СПб., 1999. С. 26–30.

³⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 379.

³⁵ См.: Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 52–65.

банкира Джона Лоу, который впоследствии прославился как непревзойденный финансовый аферист. 10000 ефимков, переведенные Левкиным, составили 34200 ливров. 14 июня вся сумма была передана П.П. Шафирову для оплаты отправки из Парижа в Петербург нанятых во Франции мастеровых людей³⁶. Как видим, обмен производился по курсу 3,42 ливра за ефимок. Членам русского посольства пришлось заниматься переводом денег и обменом валюты, вникать в своеобразную денежную систему Франции, где в это время были в ходу золотые луидоры, которые по содержанию металла почти в три раза превышали русский червонец, а также серебряные экю («ефимки французские»). Единицей счета денег был ливр. Один луидор считался равным 30 ливрам³⁷, один экю — 5 ливрам³⁸. В ливре числилось 20 су — мелких монет, называемых в русских документах на голландский манер «штиверами».

Судя по кабинетным расходным книгам, которые вел подьячий Иван Черкасов, первый обмен денег был совершен 24 апреля: «променено в Дункеркене 32 червонных на люидоры, которых взято 8 и 8 ливров, считая за червонной по 7 ливров 15 штиверов, а в люидоре по 30 ливров»³⁹. Полученные 248 ливров были небольшой суммой, которая покрывала лишь мелкие расходы на первых порах. Второй обмен зафиксирован 25 мая, когда за 100 червонных было получено 705 ливров⁴⁰. Однако эта сумма составила лишь малую часть затрат, которые были сделаны в тот же день и составили 4493 ливра 40 су⁴¹. 31 мая и 1 июня Иван Черкасов ездил к банкиру получать деньги (суммы не названы) по векселям⁴². Следующий обмен приходится на 19 июня: за 412 червонных было получено 2910 ливров, но в тот же день затраты царского кабинета составили свыше 2100 червонных и 803 ливра⁴³. А днем раньше, 18 июня, было истрачено на царские покупки и отправку мастеровых людей в Россию свыше 13200 ливров и 100 червонных⁴⁴. Приведенные суммы лишь приблизительно показывают уровень финансовых затрат русского посольства во Франции. К сожалению, имеющиеся в моем распоряжении документы не позволяют назвать точную сумму денег, ис-

³⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 66—67.

³⁷ Там же. С. 59.

³⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 484.

³⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 59.

⁴⁰ Там же. С. 63.

⁴¹ Там же. С. 63—64.

⁴² Там же. С. 66.

⁴³ Там же. С. 68—69.

⁴⁴ Там же. С. 68.

траченную Петром I во время пребывания во Франции. Несомненно лишь то, что эти затраты, по представлениям членов посольства, были велики, а французские цены казались им очень высокими. Самостоятельно распоряжался казенными суммами П.П. Шафиров, в ведении которого находилась крупная сумма наличных денег, а также меха⁴⁵. А.И. Остреману одновременно было дано «для дороговизны парижской» 150 червонных (свыше 1000 ливров) из сумм Шафинова⁴⁶, а М.Д. Олсуфьеву из кабинетских сумм было дано 500 ливров взаймы. Последний, изрядно потратившийся в Париже, брал деньги в долг у К. Брантса и у А.Д. Меншикова. По-видимому, многие члены свиты в Париже сильно издержались и просили царя выдать деньги в счет жалования. Арапу Авраму, оставленному в Париже «для науки языка и протчих некоторых наук», было назначено содержание по четыреста ефимков (2000 ливров) в год⁴⁷, которое обрекало русского пенсионера на весьма скудное существование.

В одном из писем 1759 года Вольтер писал о своей встрече с русским царем: «<...> я его видел сорок лет назад бегущим по парижским лавкам <...>»⁴⁸. Вероятность такой уличной встречи невелика, ибо в первые дни пребывания русского царя в Париже Вольтер был посажен в Бастилию⁴⁹. Тем не менее, поездки по магазинам занимали действительно важное место в парижской повседневности царя.

В предшествующих главах речь уже шла о приобретении царем научных приборов, инструментов, книг и произведений искусства. Книга записей расходов «кабинетной казны»⁵⁰, а также некоторые сохранившиеся счета и расписки содержат сведения о повседневных тратах «про царский обиход» и на нужды царской свиты. Для посольства покупалась писчая бумага и чернила, сургуч, свечи, была приобретена чернильница и песочница «в канцелярию», оплачивались почтовые расходы. Оплачивались разъезды членов свиты в каретах и в портшезах, а также затраты на их питание в дороге; в связи с царскими выездами в загородные резиденции платили работникам за перенос личных вещей в «баулах»; 19 июня работники за плату укладывали вещи в сундуки перед отъездом посольства из Парижа. Отмечены и расходы на «мытье сорочек».

Значительной статьей расходов стали в Париже приобретение и

⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 9 об.

⁴⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 497.

⁴⁸ Best. D. 8348.

⁴⁹ «Среда, 19 <...> Аруэ посажен в Бастилию; это молодой поэт, обвиненный за очень неосторожные стихи...» — [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 92.

⁵⁰ См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 59–71.

заказ одежды, обуви, аксессуаров. Можно заметить, что все посольство, начиная от царя и сановников и кончая певчими и слугами, заново оделось по французской моде. Впрочем, французская одежда присутствовала в гардеробе царя с молодости: её время от времени закупали в Париже. Французский тип одежды к началу XVIII века стал преобладающим в аристократических кругах Европы, что характерно и для России, которая переходила на европейское платье⁵¹.

Царь и его окружение явно обратили внимание на то, что во французской столице одежде и моде придавалось большое значение. Для первой встречи с королем («для публичной церемонии, когда король французской его царскому величеству визиту отдавал») царю было сделано парадное платье. Сшитый по этому поводу голубой кафтан с узким серебряным шитьем Пётр и позже надевал во время торжественных церемоний⁵². Отдавая дань французской моде в одежде, царь не стремился подражать французской аристократии в её пристрастии к роскоши. Современники-французы обратили внимание на приверженность царя к серо-коричневым цветам в одежде, на его равнодушие к парикам, кружевам и перчаткам. В Париже рассказывали: «<...>Недавно один парикмахер поднес царю прекрасно сделанный парик. Надев его на голову, его величество нашел, что парик очень длинен. Он тотчас взял ножницы и обрезал его по своему вкусу, после чего приказал дать парикмахеру 7 ливров 10 су и оставил у себя парик, стоящий, говорят, более 25 экю»⁵³. Рассказчик таким образом хотел сказать, что царь не только не следовал моде, но и проявлял скупость.

Тем не менее, «для пребывания в Париже всем его царского величества двора людям по указу велено делать платье доброе»⁵⁴. Изменение внешности царской свиты отметили и журналисты: «Говорят, что ему понравились обычаи наши и что ему хочется одеть свиту свою по французской моде»⁵⁵. «Он приказал одеть своих людей по-французски в одежду из зеленой ткани с золотым галуном на кафтане и на камзоле»⁵⁶. Зеленый цвет одежды служителей, по видимому, отражал тот факт, что многие из них были солдатами и

⁵¹ Моисеенко Е.Ю. Опись гардероба А.Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 88; см. также: Моисеенко Е.Ю. Гардероб Петра I // Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 128–153.

⁵² Моисеенко Е.Ю. Гардероб Петра I. С. 150.

⁵³ Le Cabinet historique. P. 41–42.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 8 об.

⁵⁵ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 79.

⁵⁶ Amsterdam. 25 mai 1717. № XLII.

офицерами Преображенского полка. Стоимость приобретенной за казенный счет одежды точно отражала положение человека в свите: за платье Шафирова было заплачено 1564 ливра, за платье Остермана — 1053 ливра, за платье переводчика было дано 40 червонных (282 ливра), одежда подьячих стоила 30 червонных (211,5 ливров), низшим служителям шилась одежда по 20 червонных (141 ливр)⁵⁷. Как видим, немало парижских портных были обеспечены работой.

Приобретение тканей и заказ одежды производились на протяжении всего пребывания русского посольства в Париже. Генералу Бутурлину на платье покупались золото (золотые нити), пуговицы, петли, золотая парча на камзол, а также коробка, зубочистка и набалдашник к трости из золота. Последние покупки делались «на его счет», то есть кабинетные деньги брались взаймы. Генерал был явно неравнодушен к парижскому шику. Среди тех, кто получал парижские обновки за казенный счет, упоминаются царский шут Лакоста, которому были куплены парик, башмаки и чулки, карлик Лука Честихин, которому приобрели парик и башмаки, а также серебряную шпагу, а затем заказали платье, шитое серебром, купили шляпу, чулки и перчатки. Поп Битка разжился парижским костюмом из черного бархата, новыми рубашками и галстуками, шляпой. Новую одежду справили лекарю Яну Фейлю, кухмистеру Яну Фельтену, пивовару Илье Семенову. Позаботились о внешнем виде царских денщиков: арапу Авраму было заказано у портного платье с галуном и серебряной бахромой, обошедшееся в 430 ливров, приобретены шляпа, чулки, затем еще куплены сукно и парча на платье; другим денщикам также было пошито платье: кафтаны с золотым позументом и бахромой, камзолы из золотой парчи (из расчета 450–500 ливров на каждого), были приобретены шляпы «с гарнитуром» (с галуном), чулки и башмаки. Одежда секретаря Ивана Черкасова обошлась в 400 ливров, а других служителей (Федора Мошкова, Ивана Кобылякова, Егора Сергеева) — примерно по 350 ливров. Было сделано новое платье и пяти сержантам из царской охраны⁵⁸.

Обновился за время пребывания в Париже и гардероб самого царя. У него появилась новая епанча (плащ) из серого сукна на подкладке из «стамеда» (шерстяной саржи) и байки⁵⁹. Были куплены ткани: штоф, «золотые парчи», сукно, материи на подкладку — все это сразу же шло «к делу платья его величеству». Для царя был пошит халат — «шляфорок» штофный на подкладке и приобретены ночные колпаки — «шляфмицы». Покупка чулок была важным приобретением, ибо они входили в комплект одежды европейского типа, но их

⁵⁷ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 8 об.

⁵⁸ См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 62–70.

⁵⁹ См.: *Моисеенко Е.Ю.* Описание гардероба А.Д. Меншикова. С. 98–99.

производство в России еще не было освоено в полной мере. Для парадного платья царю были куплены кавалерские ленты и заказана шитая звезда царского ордена Андрея Первозванного. Парижские приобретения одежды пополнили царский гардероб, но не внесли в него существенных изменений и новшеств. Наметившаяся во французской моде периода регентства тенденция к упрощению покроев и сдержанность в декоративном шитье вполне отвечала вкусам Петра.

Не забывал Пётр и о подарках для жены; ей был куплен штоф шелковый «пунсовый», «юпки, костровая и нитяная». Незадолго до отъезда из средств Шафирова были оплачены «уборы» для царицы на 3300 ливров, указанные в «Росписи платьям, которые куплены про обиход царского величества»:

«Платье тафтяное, цытронный цвет, шито серебром <...> 330 ливров; платье тафтяное белое, шито золотом <...> 400 ливров; платье тафтяное белое, шито золотом <...> 370 ливров; платье зеленое штофное, шито серебром с цветами шелковыми <...> 1000 ливров; платье желтое штофное, шито серебром с цветами шелковыми <...> 700 ливров; платье серебряное штофное, шито серебром с цветами шелковыми <...> 500 ливров; <...> шарф золотной, ленты и палатин за 500 ливров, платье государю-царевичу <...> 300 ливров»⁶⁰.

Не забыл царь и о своем друге, любившем пышные одежды: была куплена парча на кафтан и камзол в подарок князю Меншикову.

Из предметов парижской роскоши лично для царя были куплены «трость с золотой головкой и с лентой, табашный ларец, ключка с трубкою», парадное оружие: две шпаги стальные с золотом, три серебряные с позолотою, один золоченый и два серебряных кортика.

Для домашнего обихода были закуплены и заказаны полезные вещи, которые должны были послужить царю в его письменных делах, увлечениях и досуге. Так, были приобретены «три стола с чернильницами» (возможно, для секретарей), были заказаны лично для царя конторка и стол, куплены «кабинет новой моды», «книга на письма с чернильницей и песочницей медными»; в конторку государю «грецкая губка», кожаные футляры для книги для писем, ящик табачный, табакерки, лекарские инструменты, шахматы и волынка, «чемодан коженой болшой».

Кроме предметов для рабочего кабинета царя были приобретены и другие экземпляры роскошной мебели: «Кровать большая убрана от дамаска красного пузементом и цветами шелка белаго; сто-

⁶⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 509; ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 103.

лик для убрания дам работан с цветами зелеными на меди вызолоченной из золота со всем к оному принадлежащим; маленька библиотека убрана медью вызолоченной из золота в листки вырезана с узорами; шкапа на бажах (?) убрана медью, колечки и ношки той же, с столом мраморовым на верху; 2 шкапи древа джиапийского (японского?) убраны кругом испод и колечики медью; стол древа джиапийского ж большой убран и колечками и протчим медными; стол англинской манеры складный того ж древа джиапийского убран сафтианом черным из внутри; столик ношной прикроватной для свеч от древа черного; стол шахматный с дамою (?) и убранием <...> со всем убран медью и золотом чистым; 2 уборы каминны на огне вызолочены золотом чистым со всем убранием», а также одиннадцать «столов мраморовых»⁶¹. Эти закупки делались, вероятней всего, в магазине галантерейщика Эдма Кале «У испанского короля». Как сообщала амстердамская газета, 13 и 14 июня «Его Царское Величество посетил прекрасный магазин господина Кале у Нового моста. Говорят, что он там купил прекрасную мебель и много редкостей»⁶².

Среди крупных парижских покупок числились две коляски дорожные: «одна крытая с двойными пружинами, цена ей семьсот ливров; другая с кровлею отметною (открывающейся) с такими же пружинами, цена ей четыреста ливров»⁶³. Еще для царя в Париже была изготовлена и опробована «качалка» — коляска, спроектированная едва ли не самим Петром, ценой в 350 ливров⁶⁴.

Поскольку стол царя обеспечивался принимающей стороной, собственные затраты на покупку продовольствия были минимальными. В расходном журнале зафиксирована единственная плата «французскому огороднику за принос фруктов»; отъезжая с узким кругом приближенным на развлекательную прогулку в Фонтенбло, царь устроил небольшой праздник оставшимся в Париже членам свиты: «для оставших служителей за стол куплено вина и пива на 8 ливров»; для варения любимого царского пива закупались солод, хмель и дрова. Хотя пристрастия Петра в области напитков давно определились, и он продолжал во Франции потчеваться любимой анисовой водкой, венгерским вином, «которое здесь зело в диковинку»⁶⁵, и специально

⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 82—82 об.

⁶² Amsterdam. 25 juin 1717. № LI.

⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 63.

⁶⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 68.

⁶⁵ «Зело благодарствую за присылку венгерского, которое так у нас подобралось, что вместо лекарства пью по одной рюмке в день, и то не по вся дни», — писал Петр жене 28 апреля/9 мая 1717 года. — Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 67.

сваренным для него полпивом, не остался он равнодушным и к французским винам. Ему нравилось красное бургундское вино Ньюи (Nuits Saint Georges) с сильным ярко выраженным вкусом. В конце мая царь отправил голландского капитана Фергаса «в Бургонию, в Эрмитаж и в протчие места» для закупки вин «для пробы», которые и были приобретены на сумму 362 ливра⁶⁶. Конкретно речь шла о престижном вино эрмитаж (Hermitage), которое производится в долине Роны. Качество закупленных вин царь вполне оценил, ибо в августе 1717 года последовал указ князю Б.И. Куракину в Голландию о закупке французских вин («эрмитажу и бургундского и протчих») на большую сумму в 6 тысяч ефимков⁶⁷. Позже в письме к послу в Париже В.Л. Долгорукову от 27 августа 1721 года Петр требовал наладить регулярную поставку больших партий любимого вина: «зделай верного корешпандента, где родитца вино эрмитаж, чтоб хотя ста по четыре бутылъ (ежели более нельзя) прямого того вина постоянно на всякой год присылано было»⁶⁸.

Подводя итог обзору царских покупок, едва ли можно констатировать «чрезвычайную простоту в отношении личных потребностей, одежды и питания»⁶⁹, как это делала Н.А. Бакланова по поводу царских приобретений, сделанных во время Великого посольства. Пётр I по-прежнему был умерен в личных потребностях, но вопросы комфорта и престижа уже не оставляли его равнодушным. Во всяком случае, европейским наблюдателям показалось, что царь не делал больших затрат и обнаруживал во всем похвальную бережливость⁷⁰.

Досушие журналисты обратили внимание и на вопросы царской гигиены. Ф. Бюше в «Nouveau Mercure» сообщал 19 июня, что «царь отправился в баню, следуя своему обычаю мыться каждую субботу»⁷¹; брюссельский газетчик отмечал, что царь «ежедневно моется в бане»⁷². В походном журнале посещение бани царем отмечено лишь один раз — в субботу 29 мая: «Изволил быть по утру в бане»⁷³. Однако регулярная выплата денег банщикам свидетельствует о более частых гигиенических процедурах. Первая баня была специаль-

⁶⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 64, 68; ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 65.

⁶⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 85. Л. 92.

⁶⁸ Там же. Д. 98. Л. 115.

⁶⁹ Бакланова Н.А. Великое Посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходу-расходным книгам посольства). С. 27.

⁷⁰ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже. С. 111.

⁷¹ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 199–200.

⁷² Relations Veritables. 28 mai 1717.

⁷³ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 17.

но устроена для царя в Кале накануне Пасхи. Устроителям было заплачено «за мылню и за печь в ней для его величества»⁷⁴. Трудно сказать, была ли в Париже специально построена для Петра баня на русский манер или было использовано какое-то имеющееся банное помещение⁷⁵. Документы об оплате скорее свидетельствуют о втором варианте, ибо банщиками в них называются французы: «дано работнику французу, который в Париже баню топил про его величество, 10 ливров»; «на дачу банщикам в Париже 8 ефимков», «дано работнику, который топил баню для его величества, 15 ливров»⁷⁶. Баня, по-видимому, находилась в отдалении от отеля Ледигьер, поскольку туда приходилось ездить верхом на лошади: «Когда его величество изволил ездить купатца, за верховую лошадь заплатил два ливра десять копеек», а «банщику было заплачено за сено, которое брано в баню на постилку полов и за мыло два ливра двенатцеть копеек»⁷⁷.

Царская баня в Париже породила один из сюжетов рассказов А.А. Нартова:

«1717 года, в бытность Петра Великого в Париже, приказал он сделать в одном доме для гренадеров баню на берегу Сены и чтоб они в оной после пару купались. Такое необыкновенное, и для парижан, по мнению их, смерть приносящее, действие, произвело многолюдное сборище парижан. Они с удивлением смотрели, как солдаты, выбегая разгоряченные банным паром, кидались в реку, плавали и ныряли. Королевский гофмейстер Вертон, находящийся при услугах императору, видя сам сие купание, Петру Великому докладывал (не зная, что то делается по приказу государя), чтоб он солдатам запретил купаться, ибо де все перемерут. Государь, рассмеявшись, отвечал: «Не опасайтесь, господин Вертон! Солдаты от парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русскою банею. У нас бывает сие и зимою. Привычка — вторая натура»⁷⁸.

В этом рассказе бесспорно лишь то, что в 1717 году в Париже Петр и его спутники пользовались баней или, по крайней мере, для них специально создавались условия, близкие к привычным для россиян банным процедурам, и то, что дворецкий Вертон «нахо-

⁷⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 61.

⁷⁵ Возможно, Пётр использовал одну из купален на берегу Сены, которые появились в Париже в конце XVII века — их оборудовали на старых плоскодонных баржах, которые прежде служили для перевозки товаров. — Прим. Н.Ю. Плавинской.

⁷⁶ Там же. С. 64, 65, 70.

⁷⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 61.

⁷⁸ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 311.

дился при услугах» царю, все остальные подробности — результат литературной работы А.А. Нартова.

Во время пребывания во Франции у Петра I имели место проблемы со здоровьем. Уже в Дюнкерке он чувствовал себя нездоровым и «намеревался лечиться» в ближайшие дни⁷⁹. После приезда в Париж приступ болезни случился 13 мая, когда царь «принимал лекарства и никуда до обеда не ездил»⁸⁰; затем обострение произошло 20 мая — в этот день царь «был дома и принимал лекарства, ибо тот день с утра занемог» и пришлось отложить запланированную встречу с регентом Франции в Сен-Клу; болезнь продолжалась и 21 мая⁸¹. Лечили царя его доктора — Арескин и Фейль. Вместе с тем, у Петра еще до поездки существовало очень уважительное отношение к французским врачам, которое только укрепилось за время его визита. Еще в феврале 1717 года Пётр указывал через Арескина «нанять во Франции лекаря» и отправить его из Парижа в Амстердам⁸².

Можно подумать, что смерть сына-младенца, случившаяся, когда Пётр и Екатерина находились в Голландии, разлука с женой и известие о бегстве нелюбимого старшего сына угнетающе подействовали на монарха. Однако вышедшие из-под пера Петра I письма не содержат ни малейших намеков на удрученное состояние. Царь с удовольствием развлекался в загородных резиденциях, праздновал Пасху и собственный день рождения, не отказывался от обильных угощений и алкоголя. Как уже отмечалось, парижские сплетники разносили слухи о любовных подвигах царя и даже о лечении его от венерической болезни. Эти слухи были преувеличенными, но своя (разрешенная женой!) «матреса» при Петре действительно имелась⁸³. На шуточные упреки жены в неверности он лишь отшучивался и в свою очередь упрекал её в излишней ревности⁸⁴.

То, что Пётр I приехал в Париж без Екатерины, которая осталась в Голландии, также вызывало у современников и потомков любопытство и пересуды. Близкий к дипломатическим кругам автор так называемых «Записок Вильбуа» сообщал, что царь «хотел везти её во Францию. Однако эта поездка не состоялась из-за вопросов церемониала, которые были нарочно придуманы герцогом Орлеанским, знавшим всю историю ливонской пленницы. Проблема состояла в представлении Екатерины герцогине де Берри, первой

⁷⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 140.

⁸⁰ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 14.

⁸¹ Там же. С. 15.

⁸² ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 1.

⁸³ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 70.

⁸⁴ Там же. С. 65, 69.

принцессе крови и внучке короля Франции»⁸⁵. Обычно историки указывали на то, что царь побоялся представить высокомерному и требовательному к этикету французскому двору свою худородную супругу⁸⁶. Упоминается и её болезненное состояние после родов. Австрийский посол О.А. Плейер сообщал о резкой ссоре, которая произошла между супругами накануне отъезда царя во Францию из-за царевича Алексея, в разрыве с которым царь якобы обвинял свою жену⁸⁷. Впрочем, в царской переписке нет никаких следов охлаждения отношений между мужем и женой.

Вопросы личной жизни русского царя очень интересовали современников-французов. Вот что об этом писал маркиз Данжо, начиная с упоминания о тике, который время от времени искажал лицо Петра:

«Это неправда, что царь был отравлен в детстве. Его тик происходит совсем не от этого; он врожденный. Его первая жена еще жива, но она монахиня. Князь Куракин, который находится здесь с царем, женат на сестре этой первой супруги. Нынешняя царица совсем не была ранее замужем, как об этом говорят; её взяли совсем молодой девушкой в захваченном ливонском городе. Княгиня Меншикова взяла эту девочку под свое покровительство и держала её при себе, где её часто приходилось видеть царю. Он влюбился в неё и женился. Говорят, что это очень достойная женщина. Всё это важные персоны из окружения царя рассказали маршалу де Тессе, который очень этим интересовался»⁸⁸.

По словам Данжо, у царя «было некоторое желание привезти сюда царицу, но теперь он не помышляет более об этом»⁸⁹. Мадам Дюнуайе писала мужу в Голландию: «Описывая мне царицу, супругу его, вы возбудили во мне такое непреодолимое желание видеть её, что я, предубежденная в пользу её и общественной молвой, очень бы желала посмотреть на неё и готова хоть сейчас к ней отправиться. Царицу эту ждали здесь и весьма жалели, что ожидания не исполнились <...>»⁹⁰.

Не исключено, что стремление избежать подобного праздного любопытства наряду с прочими соображениями побудило царя отправиться в Париж без жены.

⁸⁵ Вильбуа. Записки о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 205–206.

⁸⁶ Валишевский К. Пётр Великий // Собр. соч.: в 5 т. М., 1993. Т. 2. С. 353.

⁸⁷ См.: Вагеманс Э. Царь в республике. С. 128–129.

⁸⁸ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 92–93.

⁸⁹ Ibid. P. 98.

⁹⁰ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 80–81.

Как видим, Пётр I жил во время пребывания во Франции по устоявшемуся распорядку: рано вставал и рано ложился спать, ел привычную пищу, хотя не отказывался и от гастрономических изысков гостеприимных хозяев, употреблял любимые напитки, одевался по своему вкусу, хотя и обратил внимание на французскую моду... Царь отдыхал и веселился в присущей ему грубоватой манере в окружении своих приближенных, лечился испытанными методами, ходил в «баню». Он с удовольствием пользовался французским комфортом, но бытовая роскошь не искушала его. В своих покупках Пётр показал себя довольно расчетливым хозяином, который, однако, уже заботился о престиже, о том, чтобы он и его окружение достойно выглядели на европейском фоне. Главное место в его жизни во Франции занимали политические переговоры, полезные встречи со специалистами, познавательные поездки — всё то, что сделало визит 1717 года историческим событием.